

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ.

(Памяти Владиміра Соловьева).

Прошло ровно двадцать пять лѣтъ съ того дня, какъ въ Москвѣ хоронили Владиміра Сергѣевича Соловьева. Выросло уже послѣ этого новое поколѣніе и вмѣстѣ съ поколѣніемъ предшествующимъ столько передумало и перечувствовало за минувшую четверть вѣка, сколько не приходилось дальнимъ предкамъ думать и чувствовать за цѣлое столѣтіе. Историческая Немизида творитъ переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и беспощадно кассируетъ самые увѣренные приговоры современниковъ. Имя Владиміра Соловьева за минувшее двадцатипятилѣтіе не только не померкло на историческомъ горизонтѣ, но, наоборотъ, вырисовалось на немъ болѣе ярко и болѣе четко, становясь, несомнѣнно, свѣтоноснымъ средоточіемъ цѣлаго литературно-философскаго созвѣздія.

Похороны знаменитаго русскаго философа пришлось въ самую глухую безлюдную пору московскаго лѣта. Утромъ 3 августа прахъ Владиміра Сергѣевича перевезли въ университетскую церковь — ту самую, гдѣ, какъ онъ разсказываетъ въ стихотвореніи «Три свиданія», ему въ раннемъ еще дѣтствѣ явилось первое видѣніе. Медленно и безшумно двигался серебряный нарядный катафалкъ изъ имѣнія Князя Петра Н. Трубецкаго «Узкое» по проселочной дорогѣ въ Москву. Девять верстъ прошли немногіе сопровождавшіе друзья то сжатými золотистыми полями, то листовнымъ лѣсомъ, уже теряющимъ багряный свой уборъ. Задолго до начала обѣдни раскрытый гробъ поставили на возвышеніе, украсили обильно живыми цвѣтами. Всю долгую заупокойную службу я почти не могъ оторвать глазъ отъ бездыханнаго Соловьева. Трудно представить себѣ мертвеца, производящаго болѣе величественное, мисти-

чески-примиряющее со смертью впечатлѣніе. Точно изъ блѣдно-палеваго мрамора, напоминающаго своимъ цвѣтомъ еще не увядшіе лепестки нѣжной чайной розы, былъ выточенъ сверхчеловѣческимъ рѣзцомъ этотъ чудный тонкій профиль. Недвижно легли вокругъ прекраснаго лба когда-то непокорныя пряди серебристыхъ волосъ. Длинные пушистыя рѣсницы полузакрытыхъ глазъ какъ будто скрывали предсмертную тайну навсегда погасшаго взора. Послушно скрестились усталыя женственныя руки. На спокойной сомкнутыхъ устахъ застыла чуть примѣтная примирительная улыбка.

Молодой безвѣстный священникъ, напутствовавшій умирающаго «болярина Владиміра» исповѣдью и причастіемъ въ селѣ Узкомъ, прочелъ въ концѣ отпѣванія съ особымъ задушевымъ волненіемъ разрѣшительную молитву. Одна изъ сестеръ бережно отерла прекрасное лицо усопшаго брата какой-то ароматной влагой. Началось послѣднее прощаніе. Обширный храмъ огласился горькимъ плачемъ, не только женскимъ. Когда я поцѣловалъ чело Соловьева, я не почувствовалъ ледяющаго прикосновенія смерти. Я ощутилъ, наоборотъ, благодатную близость того непобѣдимаго и неумирающаго начала, что «надъ бездушной смертью вѣчно торжествуетъ». Завиднымъ спокойствіемъ недоговоренной, но для себя разгаданной тайны, мудраго завершительнаго синтеза, были запечатлѣны эти, пока невредимые, благородные останки. Сказалъ нѣсколько сердечныхъ напутственныхъ словъ старшій изъ служившаго соборнѣ духовенства, симпатичнѣйшій нашъ профессоръ богословія Н. А. Елеонскій. Ближайшіе друзья — братья Евгений, Петръ и Сергѣй Трубецкіе, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ,

кн. А. Д. Оболенскій, П. Н. Исаковъ и другіе подняли странно-легкій гробъ и понесли его къ выходу.

День былъ ярко-солнечный и душный. Когда немногочисленная процессія шла мимо Храма Спасителя при полномъ солнечномъ сіяніи стали падать большими хрустальными каплями живительный дождь. Надъ Замоскворѣчьемъ вскорѣ показалась замѣчательно-красивая радуга — то небесное явленіе, которое такъ любилъ и такъ увлекательно символически толковалъ въ своей поэзіи покойный Владиміръ Сергѣевичъ. У воротъ Новодевичьяго монастыря печальный кортежъ былъ встрѣченъ хоромъ монахинь. Чудесная мелодія заупокойныхъ напѣвовъ, исполненныхъ одними высокими голосами, нѣжной трелью замерла среди вляянаго освѣженнаго воздуха. Могила знаменитому философу была приготовлена недалеко отъ входа, рядомъ съ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія его отца — знаменитаго историка. Начались рѣчи. Прекрасное, въ душу проникающее, слово сказалъ профессоръ В. Н. Герье. «Радость и надежду ты всюду вносишь съ собой, дорогой Владиміръ Сергѣевичъ, Радость и надежду испытывалъ тотъ, кто видѣлъ тебя ребенкомъ въ родительскомъ домѣ, кто встрѣчалъ твой вдумчивый взоръ на студенческой скамьѣ. Радость и надежда овладѣли всѣми нами, когда въ Московскомъ Университетѣ ты водрузилъ знамя истинной философіи, долго забытой. Свѣтлыя видѣнія, которыми ты жилъ и утѣшался, были не напрасны!» По суровому, точно вольтеровскому лицу заслуженнаго историка текли слезы и въ сухомъ безстрастномъ голосѣ его звучали особо-теплыя ноты...

* * *

Въ одинъ изъ тихихъ лѣтнихъ вечеровъ 1867 года три мальчика-подростка, имѣвшихъ благовоспитанно-барскій видъ, гуляли по кладбищу въ подмосковномъ дачно-аристократическомъ селеніи Покровскомъ-Глѣбовѣ-Стрѣшневѣ и мирно бесѣдовали. Вдругъ старшій изъ нихъ — обладатель прекрасныхъ синихъ глазъ и густыхъ каштановыхъ кудрей, съ мгновенно загорѣвшимся взглядомъ порывисто прыгнулъ на могилу невѣдомаго покойника, повалилъ на ней крестъ и сталъ на этомъ крестѣ плясать какой-то дикій танецъ... Съ недоумѣніемъ и ужа-

сомъ глядѣли на такое жестокое чудачество два младшихъ мальчика. Этотъ юный изувѣръ, предвосхитившій равно за полвѣка кощунственные выходки современныхъ комсомольцевъ, былъ Владиміръ Соловьевъ — будущій ревностный защитникъ церковнаго христіанства и дальновидный критикъ всякой безбожной революціонности, а два его спутника — братья Левъ и Владиміръ Михайловичи Лопатины — впоследствии первый — профессоръ Московскаго Университета по кафедрѣ философіи (умершій 8-21 марта 1920 года), а второй — артистъ Московскаго Художественнаго театра.

По засвидѣтельствовацію, какъ этихъ, такъ и другихъ, своихъ друзей Владиміръ Соловьевъ въ ранней молодости пережилъ кратковременный, но очень бурный періодъ богоборческихъ сомнѣній и пестиваго задора. Однажды 15-лѣтній скептикъ, живя подъ религіозно-консервативной сѣнью родительскаго дома, «предался иконоборству» и въ ознаменованіе этого сорвалъ со стѣны своей комнаты и выбросилъ въ садъ образа, бывшіе свидѣтелями столькихъ его пламенныхъ молитвъ**). Безболѣзненно, быстро и почти незамѣтно для окружающихъ перешелъ Соловьевъ отъ кощунственнаго вольнодумства къ отстаивацію христіанской теократіи, отъ безтрезвыхъ дерзаний къ ортодоксальной покорности.

Однако въ бездно-глубокой натурѣ его остались неизбывныя пригаишіяся духовныя потенціи для самихъ смѣлыхъ богоборческихъ сомнѣній. Въ послѣдніе годы онъ съ особымъ скорбнымъ убѣжденіемъ повторялъ, что любить Бога дѣйственно и плодотворно можетъ только тотъ, кто умѣетъ Ему открыто и отважно противиться. «Многіе проковѣдуютъ теперь союзъ вѣрующихъ противъ угрожающаго безбожія, а я предпочелъ бы вступить въ союзъ съ невѣріемъ противъ бездѣятельныхъ и поверхностныхъ христіанъ», добавляетъ Соловьевъ, перѣдко при этомъ и напоминалъ, что изъ непримиримыхъ какъ будто Савловъ-гонителей выходили

*) Л. М. Лопатинъ. Вл. Соловьевъ и кн. Е. Н. Трубецкой. Вопросы философіи и психологіи, кн. 119, стр. 356.

***) В. Л. Величко. В. Соловьевъ. Жизнь и творенія. С. П. Б. 1903, стр. 50 и письмо Вл. Соловьева, подъ редакціей Э. Л. Радлоса, томъ III (С. П. Б. 1911) стр. 74-75.

неразъ Павлы — восторженные сторонники, что поэтому изъ всѣхъ союзовъ слѣдуетъ лишь рѣшительно избѣгать союза съ бѣсами, которые вѣрують и трепещуть... Всегда искренно возмущался нашъ философъ той непрошенной и своекорыстной защитой, которую встрѣчаетъ иная истинная вѣра отъ властвующаго казеннаго лицемѣрія и не уставалъ возставать устно и печатно противъ гоненій на ерестиковъ, преслѣдованія иновѣрцевъ и утѣшенія инородцевъ... На закатѣ своихъ недолгихъ дней, подъ впечатлѣніемъ отечественной религіозной нетерпимости, Владиміръ Соловьевъ написалъ свое изумительное пророческое письмо къ императору Николаю II, доныне почти неизвѣстное въ русской эмиграціи.*) «Христосъ сказалъ: Я емь дверь. Позволительно ли христіанамъ силою толкать въ эту дверь однихъ и силою же не выпускать изъ нее другихъ? Сказано: приходящаго ко мнѣ не отгною, но о притаскиваемыхъ насильно ничего не сказано. Зачѣмъ же тутъ еще принужденіе, къ чему эта внѣшняя искусственная ограда, это тройное кольцо изъ уголовныхъ законовъ, административныхъ притѣснительныхъ мѣръ и цензурныхъ запрещеній? Но какъ ни тяжелы и обидны эти окобы для стороны терпящей, — для различныхъ раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ, — безъ сравненія тяжелѣе и обиднѣе такое положеніе для самой плодоносящей церкви: для нея оно нагубно. Крѣпостное право, порабоная крестьянъ, развращало помѣщиковъ. Закрѣпощеніе людей къ православію лишаетъ русскую церковь нравственной силы, подрываетъ ея внутреннюю жизненность. Можетъ ли Церковь Божія жить на землѣ безъ духовной борьбы за истину, а возможна ли такая духовная борьба для Церкви, крѣпко огражденной оружіемъ вещественнымъ? Съ какимъ успѣхомъ можно заблуждающихся убѣждать въ той истинѣ, во имя которой они уже посажены въ тюрьму или сосланы въ ссылку? Оружіе церкви есть слово, но можно ли достойно обличать тѣхъ, кому уже зажали ротъ силой? Можно ли честно бороться съ противниками, у которыхъ крѣпко связаны руки? Народъ уже выходитъ изъ духовнаго малолѣтства и недостойная защита истины

*) Оно напечатано въ журналѣ «Начала» 1921 г.

производить въ его глазахъ гораздо болѣе соблазнъ, нежели свободная проповѣдь заблужденія. Далекое не худшее среди православнаго народа могутъ разсуждать (и уже разсуждаютъ) такъ: изъ двухъ религіозныхъ обществъ, которое болѣе соотвѣтствуетъ духу Христову и евангельскимъ заповѣдямъ: гонящее или гонимое? Ибо, хотя не всѣ гонимые страдаютъ за правду, но всѣ гонители заставляютъ страдать высшую правду въ самихъ себѣ. Нельзя же православному христіанину отрицать того факта, что Христосъ въ евангеліи неоднократно говорилъ своимъ ученикамъ: васъ будутъ гнать за имя Мос, но ни разу не сказалъ: вы будете гнать другихъ во имя Меня». Такъ писалъ онъ тамъ своему адресату. Преслѣдованіе ерестиковъ неминуемо порождаетъ ожесточенныхъ безбожниковъ, будущихъ разрушителей и осквернителей, какъ объ этомъ, въ глазахъ Соловьева, наглядно свидѣтельствуетъ примѣръ французской революціи. «Система замороженныхъ нечистотъ» — порядокъ цензурныхъ запретовъ и полицейскихъ пресѣченій ранѣе или позже безусловно рунится и погребетъ подъ своими обломками ослѣпленныхъ охранителей. «Новыя времена стараются, хотя и не всегда успѣшно, отнять у божества полицейскую функцію, а у полиции божественную санкцію». «Задача — трудная» писалъ онъ въ классической статьѣ своей «Жизненная драма Платона». Этой великой задачѣ, не покладая рукъ, не сложивъ оружія, служилъ Владиміръ Сергѣевичъ до послѣдняго часа жизни. Будущая русская революція всегда представлялась ему въ жуткихъ очертаніяхъ стихійнаго безпощаднаго урагана, вандальской, кроваво-мстительной потѣхи. Однако, будучи непоколебимо предубѣжденъ противъ революціи «безбожной, безидейной и безсловесной», онъ порою самъ совершенно серьезно мечталъ о коренномъ государственномъ переворотѣ, двигаемомъ религіозною вѣрой. Подъ впечатлѣніемъ страшнаго голода, постигнаго Россію въ 1891 году, Соловьевъ носился съ фантастическимъ планомъ цѣлостнаго революціоннаго обновленія Россіи, производимаго дружными усиліями особаго тріумвирата въ составѣ популярнаго священника, популярнаго полководца и популярнаго мыслителя. На всякаго мудреца довольно простоты, и у всякаго генія проявляется вѣчно-дѣтское начало въ особыхъ неповторимыхъ формахъ. Эта утопическая

греза вскорѣ перестала совершенно владѣть Соловьевымъ, но негодующій протестъ противъ власти, неумѣющей оградить народъ отъ хроническаго недоѣданія, какъ духовнаго такъ и плотскаго, не замолкалъ до конца въ его душѣ.

Эта загадочная двойственность въ исподражаемомъ духовномъ обликѣ Соловьева, сказавшаяся такъ ярко въ его политическомъ жизнепониманіи, всегда чувствовалась и въ его религіозно-философскомъ творчествѣ. Изъ странныхъ загадочныхъ противорѣчій была соткана многогранная, тонко мозаичная личность русскаго гениальнаго мыслителя. Какъ жемчугъ есть болѣзнь раковины, какъ рѣдчайшіе черные перлы составляютъ по инымъ догадкамъ плѣнительную извращенность причудливой природы — такъ бываетъ, вѣроятно, и въ сокровищницѣ драгоцѣнностей философскихъ. Необычайно разносторонній и капризный умъ Владиміра Соловьева въ своихъ нетерпѣливыхъ переходахъ давалъ порою цѣлый радужный спектръ настроеній. Игра цвѣтовъ вещественной жемчужины зависитъ отъ интерференціи свѣта на волнистой поверхности перламутровыхъ слоевъ. Такъ и титаническій умъ Владиміра Соловьева сверкалъ разноцвѣтными лучами въ зависимости отчасти отъ того, какой внѣшній свѣтъ попадалъ на его своеобразную призму. Онъ отражалъ и ровный свѣтъ горы Фаворъ, свѣтъ невечерній и немерцающій, и кровавое зарево краснаго смѣха и мутно-зеленоватое сіяніе житейскихъ болотныхъ огоньковъ... Рѣшающимъ властнымъ началомъ въ этихъ, иногда очень быстрыхъ переходахъ было, конечно, внутреннее самозаконное сознаніе нашего философа. Соловьевъ понималъ, какъ можетъ быть никто другой въ наше время, кристально-чистую радость религіозной интуиціи и молитвеннаго благоговѣнія — однако и въ очень зрѣломъ возрастѣ озадачивалъ простодушныхъ людей своими двусмысленными недомолвками. Иногда можно было заподозрить въ немъ какого-то двуликаго Януса богословской діалектики, добраго, но ласково-коварнаго Мефистофеля. Со-

ловьевъ называлъ православное богослуженіе «чудеснымъ и ангелами переданнымъ», но самъ въ храмы ходилъ очень рѣдко и однажды самъ при мнѣ прямо сказалъ, что весь церковный обиходъ не для него писанъ и что молиться, какъ подобаетъ нынѣшнему христіанину, на языкахъ славянскомъ, греческомъ и еврейскомъ, онъ можетъ только въ полномъ одиночествѣ.

Всѣ эти противорѣчія и всѣ эти причуды, крайне интересныя для всѣхъ изучающихъ таинственный духовный обликъ великаго русскаго философа, не подрываютъ нисколько безсмертную обществено-воспитательную цѣнность его превосходнѣйшихъ сочиненій. Въ серьезную минуту онъ говорилъ всегда о серьезномъ серьезно и обладалъ истиннымъ энтузіазмомъ выстрадавнаго убѣжденія. Всегда послѣдовательно училъ Владиміръ Соловьевъ, что нынѣшній міръ безобразнаго суемудрія и духовнаго рабства, міръ крови и грязи, можетъ и долженъ быть преобразенъ и одухотворенъ дружными усилиями свободной чловѣчности. «Соціализмъ завидуешь богатымъ — христіанство ихъ жалѣетъ». Эти вѣщія слова его точно огненными буквами остаются на духовномъ небосклонѣ современной Россіи, давшей съ самоубійственнымъ упорствомъ кошмарную пародію на соціализмъ и растратившей такъ головокружительно быстро свое богатство и духовное и матеріальное.

Въ мірѣ не жилецъ, а въ даль стремящейся проходжій — бездомный бѣднякъ-безсребренникъ Владиміръ Соловьевъ завѣщалъ родинѣ и чловѣчеству неисчислимое и нетлѣнное богатство идейное. И вотъ почти всѣ русскіе религіозные мыслители оказались хотя бы частичными его наслѣдниками, отразивъ за четверть вѣка въ своихъ работахъ волей или неволей, прямо или косвенно, его могучее царственное вліяніе. Оцѣнить же весь пророческій и учительскій подвигъ Соловьева будетъ по силамъ только освобожденной и очеловѣченной Россіи будущаго.

Валентинъ Сперанскій.